

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ОЛЕГА РОЯ

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Банкротство мнимых ценностей
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искушение
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак

Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Я тебя никому не отдам
Привет, моя радость!
Двойная жизнь
Фамильные ценности, или Возврату не подлежит
Писатель и балерина
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Синдром Атяшево
Не оставляй меня, любимый!
Код личного счастья
Тайный шифр художника
Зов дельфина
Герой ее романа
Верь в меня
Домовой
Запасной козырь
Принцесса отражений
Римские каникулы
Будем как боги
Зеленая тетрадь
Прости
Неслучайные встречи

Дилогия «Белый квадрат»

Лепесток сакуры
Захват судьбы

Трилогия «Три цвета любви»

Три цвета любви
Три ступени вверх
Три судьбы

О Л Е Г
Р О Й

УКРАДЕННОЕ
СЧАСТЬЕ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Редактор серии *Валерия Горюнова*
Оформление серии *Натальи Каштъкиной*

Рой, Олег.

Р65 Украденное счастье : роман / Олег Рой. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-171975-3

С детства Анжелу окружали только забота и внимание отца. Любой ее каприз и мимолетное желание исполнялись как в сказке. Но однажды девочка выросла, и обожание папы стало не радовать, а пугать. Странные подарки и откровенная ревность к ее возлюбленному удивляли не только Анжелу. Как вернуть прежние отношения и не потерять новые, как сохранить семейную идиллию?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© О. Рой, 2022

© Оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-171975-3

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Часть I

АНРЭ

ЭТЮД В НОСТАЛЬГИЧЕСКИХ ТОНАХ

1943 год —
16 октября 1996 года

Я спустился с крыльца, прошел не торопясь в гараж, завел машину, долго прогрел мотор. Когда выехал за ворота и двинулся вверх по улице, утреннее солнце светило прямо в лобовое стекло. Люблю солнце осенью.

Ехал медленно, мимо знакомых домов и редких прохожих, с которыми машинально здоровался. Здесь меня знала каждая собака, и я тоже знал всех. Правда, последнее время в Лугано появилось много пришлых. Так много, что иногда казалось, будто ты не у себя дома, а в каком-то чужом, неизвестном городе...

Раньше все было иначе. После войны наш маленький городок едва ли насчитывал полтора десятка тысяч жителей, и практически все были знакомы. Прогуливаешься ли по улице, обедаешь ли в любимом гротто, отправишься ли за покупками,

заглянешь ли на виллу Фаворита, в церковь Святого Антония или в Музей изящных искусств — всюду одни и те же лица. Каждый вновь прибывший был на виду. Например, мне запомнились встречи с Максом Фришем, который одно время приезжал в Лугано к другу и нередко посещал городской музей изящных искусств. Тогда он еще не стал мировой знаменитостью, но уже был известен своими романами — «Юрг Райнхард», «Трудные люди», «Штиллер» и особенно четвертым, нашумевшим, — «Номо Фабер». Я в те годы уже не сомневался, что Макс станет великим писателем. Так со временем и произошло. А познакомились мы случайно: ему нужно было увидеть картину Питера Брейгеля Старшего, и я провел его по музею, который знал как свои пять пальцев, и рассказал о картинах. Он был тронут. Потом мы сидели в маленьком кафе на площади и говорили о книгах, о политике, о женщинах; мне показалось, что, несмотря на разницу в возрасте, я нашел в нем родственную душу.

Позже, когда вышел его новый роман — «Назову себя Гантенбайн», Макс специально встретился со мной, чтобы вручить книгу с дарственной надписью, и сказал, что многое для этой вещи взял из нашего разговора. Хотя лично я ничего такого там не заметил. С тех пор мы с ним изредка переписывались: последнюю открытку от него я получил на Рождество, а сам 15 мая поздравил его с восьмидесятилетним юбилеем. Подаренная книга всегда стоит в моем шкафу на самом видном месте. На первой странице красуется сделанная размашистым почерком надпись: «Гантенбайну-1 от Гантенбайна-2. Декабрь 1965 г. Поздравляю со свадьбой. Макс». Последнее время я часто брал книгу с полки, не для того даже, чтобы перечитать роман, который знал чуть ли не наизусть, а с целью вновь увидеть эту надпись и хоть на миг мысленно вернуться в те благословенные годы.

Славное было время! Создание моего банка, юная Софи, рождение дочки... Тогда я и помыслить не мог, какой неожиданный и страшный удар нанесет судьба в последнем акте странной пьесы, именуемой моей жизнью...

Я выехал за город. Вел машину, а сам смотрел по сторонам. Да, что говорить, со времен шестидесятых Лугано значительно изменился. Стал похож на многие другие города – не в центре, конечно, где еще сохранилось его настоящее лицо, но на окраинах и в пригородах, которые так разрослись за последние десятилетия. Здесь, глядя вокруг, даже не сразу можешь определить, где находишься: в Лугано или где-нибудь в Беллинцоне, Церматте или Локарно? Все стало какое-то стереотипное, безликое – и архитектура, и жизнь, и люди. Только пейзаж остается прежним, изменяясь лишь от времени года.

Осень. Моя родная, любимая пора. Осенью Лугано всегда напоминал мне стареющую матрону, демонстративно одетую и покрашенную, сияющую подчеркнуть остатки стремительно уходящей красоты... Мой город особенно хорош в октябре, когда жара уже спала и наступило время не загорать, а любоваться его великолепием. Падают каштаны, листья желтеют, сворачиваются, как гаванские сигары... Краски буйствуют, беснуются: красный, желтый, бордовый, золотой – цвета царят в природе, они и под ногами, и над головой, и в мыслях, и в сердце.

Я припарковался на обочине, вышел из машины. Передо мной расстились Швейцарские Альпы, манили снежные вершины. Город лежал внизу в легкой дымке и весь был виден отсюда – грузовые паромоходы, прогулочные яхты, Виа Нисса, Пьяцца Федерале, наш дом, мой «Лугано-Прайвит-банк», великолепный старинный парк – и все это в соч-

ных красках осенней листвы, последних в этом году цветов и живучей зелени газонов. Казалось, можно было бы вечно любоваться этим, наслаждаться и блаженствовать...

Однако в тот солнечный октябрьский день я был как никогда далек от блаженства. На душе было тяжело. Меня угнетало то, что происходило с Анжелой. Вот уже несколько лет я с каждым днем, с каждой минутой терял мое обожаемое дитя, мою малышку, мою ненаглядную дочку. Чужой человек, русский, сын женщины, когда-то заставившей меня так страдать и чуть не погубившей всю мою жизнь, — этот человек буквально околдовал мою девочку, как когда-то околдовала меня его мать, заставил ее забыть обо всем на свете, включая ее отца, который всегда души в ней не чаял! Я боготворил свою Анжелу с самого ее рождения и даже еще до этого — с того момента, когда Софи призналась, что ждет ребенка. А может быть, даже еще раньше, быть может, и Софи-то появилась в моей жизни только затем, чтобы родить мне дочь... И я полюбил Анжелу еще тогда, когда встретил Софи, когда впервые поцеловал... Когда жена забеременела, я окружил ее вниманием и заботой, достойной особы королевской крови: поил свежими соками, пичкал фруктами и ягодами, исполнял все ее желания, приглашал в лучшие рестораны, водил на прогулки, концерты, выставки.

Когда родилась Анжела, я даже на время забросил свой бизнес, нанял управляющего и передал ему все текущие дела, а сам полностью посвятил себя девочке. Настольной книгой для меня в то время был роман выдающегося итальянского педагога Иоганна Песталоцци «Лингард и Гертруда». Я с упоением занимался воспитанием дочки, и с первых дней ее жизни мы были неразлучны. Первым словом нашего ангелочка было «папа», что, помнится, неприятно задело Софи. Впрочем, обиделась она не слиш-

ком сильно. Быстро поняв, что материнство — не ее призвание, жена с облегчением переложила на мои плечи большинство забот о ребенке. Именно я постоянно находился рядом с Анжелой, учил ее ходить и говорить, играл с ней, читал ей сказки, сидел у ее кровати, когда она болела. Именно со мной она ходила на прогулку в парк, именно со мной делилась самым сокровенным, меня и только меня впускала в самые потаенные уголки своей души. Она была моей и только моей девочкой... До тех пор, пока не появился этот русский. Он ворвался в нашу жизнь как ураган, безжалостно сломав и разметав все, что нам было привычно и дорого. Если бы я только мог предвидеть, чем обернется то письмо... Дернул же черт меня, сентиментального старого дурака, его вскрыть!.. Знал бы, чем это грозит, выбросил бы, не читая. Но тогда позволил себе удариться в воспоминания, поддаться ностальгии по молодости и любви... И вот результат. Семья наша распалась. Про Софи я даже не думал, она давно отдалилась от нас и больше бывала в Милане, чем дома. Но мне это только на руку, она хотя бы оставила меня в покое. Теперь в ее жизни появилось то, к чему она, собственно, всегда стремилась, — показы мод, вечеринки, глянцево-журналы, шопинг, салоны красоты... Наверное, завела себе и любовника, скорее всего, молодого, охочего до денег. Но Софи меня несколько не волновала, а вот Анжела... Мою дочь словно уносил отлив все дальше и дальше от меня. Я с ужасом ожидал, что в один прекрасный день она вообще могла бы забыть о моем существовании. И что самое ужасное, я сам был во всем этом виноват! Именно я, поддавшись уговорам, пригласил этого русского, взял на работу в свой банк. И проглядел, слепец, проморгал, как он в ответ на мои благодеяния украл у меня из-под самого носа самое ценное сокровище. Видела бы Анжела своего избранника в пер-

вый момент, когда он только пришел наниматься на работу в банк, как он был жалок, робок, плохо одет! Теперь этот типчик, конечно, уже совсем не таков, отъелся, приобрел лоск, набрался спеси. Дошел до того, что имел наглость вмешиваться в дела банка и указывать мне, его владельцу, что и как я должен делать! Лез во все, даже в то, в чем совершенно не смыслил. Однажды мы с ним, например, поспорили о картинах. Что он может понимать в живописи? А туда же, раскритиковал мою «Сирень» — это, мол, банально и примитивно. Да помолчал бы уж! Сирень на картине как живая, в каплях росы, зовущая, прекрасная, едва ли не говорящая... Как он вообще смел, сопливый мальчишка, самодовольный щенок!

Конечно, я не мог этого терпеть. Я боролся всеми средствами: говорил по душам с дочкой, пытался как-то вывести из игры этого русского, попробовал их развести... Но все безрезультатно. Анжела точно ослепла, она не желала слушать ни мои доводы, ни мои мольбы. Другие методы тоже не подействовали. Вернее, пока не подействовали. Ведь я не привык проигрывать! Я легко не сдамся, рано еще списывать меня в утиль!..

...сейчас двадцать минут одиннадцатого, значит, осталось ждать всего несколько часов. Несколько часов — и все закончится. Да, конечно, какое-то время еще будет нелегко... Но я справлюсь. Мы с Анжелой справимся, потому что снова будем вместе.

Уверен, что все будет хорошо. Надо только очень сильно захотеть. И помолиться. Как тогда, когда маленькая Анжела заболела двусторонним воспалением легких. Все боялись, что наш ангелочек умрет, даже врачи говорили, что шансов немного... А я боролся. День и ночь не отходил от ее кровати, держал в своих руках горячие ладони и молился, молился, молился, чтобы Бог не забирал у меня мою девочку...

И он смилостивился. Так будет и теперь, я знаю, просто надо верить. Верить и молиться. Помогите, Господи! Не оставь раба твоего в трудную минуту...

...Человека, вознесшего небесам эту выстраданную мольбу, звали Анрэ Орелли. Около месяца назад ему исполнился шестьдесят один год, но этих лет ему никто не давал — настолько молодежавым, подтянутым и энергичным он выглядел. Высокий, спортивная фигура, густые каштановые волосы и красивый низкий голос придавали ему сходство с киногероем, о чем неоднократно говорили заинтересованные собеседницы самых разных возрастов. А несколько глубоких морщин, покрывавших его лицо, по мнению дам, совсем не портили Анрэ, а наоборот, придавали ему более мужественный вид.

Орелли слушал комплименты со снисходительной улыбкой, но никогда не относился к ним серьезно. Кому, как не ему, было знать, что пересекавшие его лоб морщины — совсем не украшение, а печать множества страданий, которые ему довелось пережить на своем веку...

* * *

Кто-то сказал, что все дороги ведут в Рим, но при этом забыл добавить: да, в Рим, но через Лугано. Последней мировой войны в Швейцарии не было, страна оставалась нейтральной. Однако «великая битва народов» и здесь присутствовала и в быту, и в прессе. И даже в природе. Когда война наконец закончилась, все изменилось, даже небо сделалось другим, стало выше, голубее. Или маленькому Анрэ так только казалось?

Лугано находится на самой границе с Италией, в которой почти у каждого жителя города есть родственники или знакомые. И когда в дома по ту сто-

рону границы приходили похоронки, плач и проклятия в адрес Гитлера и «ирода Муссолини» слышались и на этой стороне. В некоторых домах Лугано приютили раненых или дезертиров — и власти смотрели на это сквозь пальцы, словно не замечали. У ближайших соседей Орелли, семьи Факетти, довольно долго жил молодой черноволосый зубоскал Альберто, сбегавший с итальянского фронта. Он открыто прогуливался по Виа Нисса, стрелял у знакомых сигареты, заглядывался на местных красоток, шутил со всеми встречными и ничего не боялся. Но чем явственнее ощущался финал войны, тем осторожнее становились власти. В начале 1945 года Альберто и еще двоих таких же «фашистов» арестовали и выдали итальянцам.

Отец Анрэ, Энцо Орелли, как-то сказал: «Гитлер — идиот, сексуальный маньяк, выживший из ума неврастеник, а Муссолини его любовник (они оба, по его мнению, были «голубыми»). Ты почитай «Превращение» Франца Кафки, там все написано — и про них, и про нас!»

Десятилетний Анрэ ничего толком не понял из его слов. И тем более из Кафки, через которого честно попытался продраться после того разговора. Тогда ему было очень стыдно за это перед отцом, к которому он испытывал странные противоречивые чувства, включавшие и уважение, и неприязнь, и благоговение, и страх. Он почти боготворил Энцо — и в то же время никак не мог простить ему, что мать, пока не покинула этот мир, всегда была ближе к мужу, чем к сыну.

Мать Анрэ, Марианна, была коренной жительницей Лугано. Их было четыре сестры Верфель: Фелица, Ганна, Анна и Марианна. Три старшие, погодки, ходили друг на дружку как близнецы — все как одна высокие, ширококостные, жилистые, с крупными и некрасивыми чертами лица. Марианна, ро-

дившаяся на одиннадцать лет позже Анны, самой младшей из сестер, представляла собой их полную противоположность. Небольшого роста, нежная, хрупкая, с удивительно белой кожей и вечно смеющимися карими глазами, она была на редкость хороша собой. «Бывало, только посмотришь в ее сторону, — любил вспоминать Энцо, — и у тебя словно язык отнимается. Она улыбнется, поздоровается — а ты, как дурак, молчишь или мямлишь что-то невнятное...» Казалось бы, при таком контрасте старшие сестры должны были бы ненавидеть Марианну и завидовать ей, но у Верфелей все вышло наоборот. Меньшая дочь всю свою короткую жизнь была любимицей в семье. После смерти родителей Фелица, Анна и Ганна разделили между собой все заботы и из кожи вон лезли, чтобы «их малышка» не знала горя, ни в чем не нуждалась и могла бы заниматься тем, что ей нравится, — Марианна неплохо рисовала и очень любила музыку. Собственной семьи ни одна из старших сестер не создала. Фелица и Анна не вышли замуж, Ганна приняла предложение пожилого соседа-бакалейщика, но, не прожив в браке и полутора лет, овдовела и вернулась в родной дом. Красавица Марианна стала единственной продолжательницей рода — едва ей минуло восемнадцать, когда она пошла под венец, не устояв перед обаянием красноречивого и статного итальянца, неизвестно откуда прибывшего в ее тихий город.

Энцо Орелли жил контрабандой продовольствия — перевозил через границу тюки с запрещенными товарами. Анрэ хорошо помнил, как в иные дни у их дома чуть ли не выстраивалась очередь из полицейских и таможенников, желающих получить взятку. Ближе к вечеру обогатившиеся визитеры накупали на радостях вина, пива, сосисок и устраивали пирушку. Они горланили итальянские народные песни, послушать которые собиралось пол-Лугано, травили анекдоты, рассказывали байки из жизни кон-

трабандистов... Словом, бывало весело, так весело, что все с нетерпением ждали следующей раздачи денег. Каждый раз, когда Анрэ с отцом, гуляя по городу, встречали кого-нибудь из представителей закона, тот обязательно похлопывал Энцо по плечу, называл «дружище» и словно невзначай спрашивал: «Что-то ты давно нас не собирал, а?» Отец угощал его сигаретой и отшучивался, но старался не оставлять намеков без внимания и вскоре обязательно устраивал очередную шумную пирушку, после которой самых нестойких ему приходилось развозить по домам на своем велосипеде.

Конечно, все вместе эти взятки составляли внушительную сумму, но, даже несмотря на это, семья жила неплохо. После свадьбы Орелли поселились в большом доме Верфелей, где хватало места всем. Фелица, Ганна и Анна с радостью приняли молодых под свое крыло и окружили заботой сначала их, а вскоре и появившегося на свет Анрэ. Сами лишённые радости материнства, тетки обрушили на мальчика всю свою нереализованную любовь и нянчили его втроем, поскольку после тяжелой беременности и трудных родов у хрупкой Марианны резко пошатнулось здоровье. Маленький Анрэ до безумия любил мать, такую милую, ласковую и веселую, готов был ни на минуту не расставаться с ней и очень страдал от того, что к маме часто было «нельзя», потому что ей «нездоровилось». Самым обидным казалось то, что на отца эти запреты не распространялись, он в любое время мог войти к ней в спальню и сколько угодно там находиться. И в такие минуты Анрэ готов был ненавидеть отца. Но, на его счастье, Энцо был неглупым человеком и хорошим родителем. Каким-то непостижимым образом ему удалось преодолеть детскую ревность и из преграды на пути к обожаемой матери превратиться для сына в мудрого и авторитетного советчика. Уже став взрослым, Анрэ много раз

благодарил небеса за то, что ему так повезло с отцом, который сумел воспитать его настоящим мужчиной. Будь старший Орелли чуть менее строгим и рассудительным, и младший, избалованный вниманием и заботой теток, наверняка вырос бы маменькиным сынком, размазней и бесплодным мечтателем, тем более что все задатки для этого у него в полной мере присутствовали. В детстве ему нравились не шумные игры с лучшим другом Максом Цолингером по прозвищу Лиса и другими приятелями, как обычно это бывает у мальчишек, а книги, музыка и живопись. Он проводил чуть не все свободное время за чтением и часами напролет готов был слушать, как Марианна играет на рояле. Матери пришлось по нраву, что он с самых ранних лет пробовал рисовать, и не было для мальчика большего счастья, чем прозвучавшая из ее уст похвала какого-нибудь его рисунка, наброска или этюда.

Чем ближе и явственнее ощущался финал войны, тем слабее становилось здоровье Марианны. Напрасно наивная детская душа лелеяла мечту: «Когда война кончится, мама поправится» — в декабре сорок пятого, под Рождество, Марианна умерла. С тех пор Анрэ на всю жизнь невзлюбил этот праздник, самый, наверное, популярный и веселый в их краях.

После смерти матери он как-то особенно сблизился с отцом, старался как можно больше времени бывать в его обществе, прислушивался к каждому слову. А за углом уже притаилась новая беда. Не прошло и четырех лет, как, вернувшись из школы, мальчик увидел, что в доме переполох, а у теток заплаканны глаза. Анрэ пришлось долго приставать к ним с расспросами, пока наконец Фелица, старшая, не выдала из себя три страшных слова: «Твой отец умер». Что стало истинной причиной гибели Энцо Орелли, его сыну так и не суждено было узнать. Возможно, тот действительно скончался от сердечного приступа,

как считалось официально, но не исключено, что ему помогли уйти на тот свет конкуренты и недоброжелатели, которых у контрабандиста хватало. Смерть отца еще несколько лет занимала Анрэ, не давая ему спокойно спать. Он пытался разобраться во всем, даже провел собственное расследование, но из этого ничего не вышло.

Потеря кормильца, разумеется, стала значительным ударом для семьи, не только психологическим, но и финансовым. Но и тут за дело снова взялись сестры Верфель. Они работали не покладая рук: шили, вышивали, делали искусственные цветы и продавали их сначала местным, а потом — иностранцам, туристам. Кроме того, часть большого дома начали сдавать внаем, для желающих — с полным пансионом. Все это позволило Анрэ не только без проблем окончить школу, но и — несказанное везение! — поступить на математический факультет Бернского университета. У него всегда были способности к математике, конечно, не столь гениальные, как это представлялось любящим теткам, но весьма неплохие. Таким образом, незадолго до своего девятнадцатилетия юный Орелли простился с Максом Цолингером и другими друзьями и впервые в жизни покинул родные края, отправившись в столицу изучать неевклидову геометрию.

Берн стал для Анрэ открытием. Лугано, конечно, место красивое и с древними традициями, но большой город — это большой город! Юного Орелли удивляло и приводило в восторг все — толпы нарядных прохожих, столичная суета, огромные магазины, множество автомобилей, трамваи, светящиеся вывески, театры, ночные клубы...

Он поселился в съемной комнате на улице Карла XII вдвоем с Франсуа Жерве, молодым французом, тоже учившимся в университете. Комната, уже изначально не очень дорогая, вскоре и вовсе стала

обходиться им почти даром, когда Анрэ начал заниматься с хозяйским сыном математикой. А уж после того, как мальчик получил несколько отличных отметок, хотя до этого был одним из последних в классе, хозяин только что не расцеловал жильца и заявил, что отныне они с французом могут вообще не думать об оплате жилья. «Живите так, не нужно ни франка, только почаще занимайся с моим оболтусом, хорошо?» Анрэ с радостью согласился, тем более что «оболтус» был хоть и ленивым, но весьма толковым малым. Двух полуторачасовых занятий в неделю ему было более чем достаточно, чтобы сохранить позицию если не отличника, то, по крайней мере, хорошего ученика.

Учеба же самого Анрэ держалась на высшем уровне. И по математике, и по физике он получал только отличные оценки, и преподаватели были о нем очень высокого мнения. Профессор Франц Глаузер не раз приглашал студента Орелли домой, чтобы за чашкой чая поговорить о тонкостях и загадках математики. Знаменитый глаузеровский чай с альпийскими травами, мятой и листьями вишни заваривала и подавала дочь профессора, толстуха Франсуаза. При появлении Анрэ она всякий раз краснела до корней белокурых волос, а потом усаживалась поодаль, подпирала пухлой рукой румяную щечку и глядела на гостя полными восхищения голубыми глазами. Сам профессор тоже смотрел на Анрэ ласково, почти как на сына, приглашал отобедать или отужинать с ними, обещал замолвить за него словечко, чтобы Орелли оставили на кафедре, и первое время юному студенту это все очень нравилось. Однако года через полтора, когда Франсуаза каждый раз, проходя мимо, стала задевать его то круглым локотком, то пышным бедром, то упругой грудью, а профессор все чаще начинал заговаривать о том, как мечтает о внуках, Анрэ сделалось в их доме неудобно. Что поделатъ, сердцу не прикажешь —

Франсуаза никогда ему не нравилась. Будущего математика привлекали совсем другие девушки — тоненькие, стройные, изящные и непременно с темными смеющимися глазами, какие были у его матери. И он все реже стал бывать в гостях у Глаузеров, ссылаясь на те или иные неотложные дела. Профессор, будучи умным человеком, быстро разобрался, в чем дело, и с тем же энтузиазмом переключился на Франсуа Жерве. Здесь его усилия оказались вознаграждены. Сразу после окончания курса Франсуа стал мужем профессорской дочки. Свадьба получилась веселой и шумной, студенты и их подруги напились, наелись, натапцевались, нашутились и насмеялись от души. Анрэ был шафером и в глубине души очень радовался, что избавился от этой обузы. Он почему-то был уверен, что Франсуа с Франсуазой не уживутся, но ошибся. Жерве окончил университет, его оставили на кафедре, и он сделал головокружительную карьеру: стал профессором, опубликовал много книг, вырастил даровитых и известных учеников и получил несколько престижных научных премий. А Франсуаза родила пятерых детей и совсем расплнела. Они были счастливы, так, по крайней мере, считали все их знакомые и близкие, да и сама мадам Жерве. Но это все было уже потом...

На втором курсе Анрэ Орелли вдруг снова увлекся живописью. Без особого труда вспомнив уроки, данные ему в детстве матерью и нанятыми ею учителями, он сначала просто зарисовывал виды окрестностей, используя мягкие карандаши, которые все равно не годились для учебных работ по техническому черчению. Потом попробовал себя в акварели, нарисовал несколько пейзажей, натюрмортов и даже портрет Франсуа — и все получилось неплохо. Конечно, он понимал, что до совершенства настоящих мастеров, с чьим творчеством был хорошо знаком по музеям, альбомам и открыткам, ему очень далеко, но самого

Анрэ собственные рисунки вполне удовлетворяли. Ему каким-то непостижимым образом удавалось передать то красоту заснеженной горной вершины, то необыкновенно легкую тень, бросаемую на черепичные крыши Берна ломаным контуром готического собора, то удивительный свет под сенью изящной колоннады, одной из тех, которыми так славится этот город. Занятие живописью словно подарило ему другой взгляд на мир — он смотрел на то, что его окружало, и наслаждался увиденным, дивясь этой своей неизвестно откуда взявшейся тонкости восприятия. Теперь Анрэ уже и не мыслил себе выходных без вылазки на этюды или посещения музеев. Обычно он бывал в городской ратуше, в готическом соборе Санкт-Винценц, на колокольне Цитглогетурм или других старинных зданиях, осматривал средневековые укрепления, забирался на башни и подолгу смотрел вдаль. Но чаще всего он бродил по набережным реки Ааре, делая там свои зарисовки, и Жерве постоянно дразнил его тем, что «Анрэ женился на Ааре». Эта глупая шутка, видимо, забавляла его созвучием имени приятеля и названия реки — подобно тому, как его собственное имя было созвучно с именем его невесты. Раздосадованный Анрэ отвечал, что Ааре не в пример лучше Франсуазы Глаузер. Жерве лез в драку, но не проходило и нескольких минут, как приятели мирились, брали бутылочку вина и принимались за рюмкой обсуждать прелести и недостатки знакомых и незнакомых швейцарских красавиц.

Когда Анрэ учился на третьем курсе, произошло событие, которое перевернуло всю жизнь. Однажды, поднявшись на открытую с четырех сторон верхнюю площадку Тюремной башни, молодой человек увидел у самого проема тоненькую фигурку. Девушка, одетая в шелковое цветастое платье и просторный сиреневый свитер крупной вязки, стояла спиной к нему и глядела вниз, ветер трепал расклепленную

юбку и играл темно-русыми волосами. Незнакомка выглядела настолько легкой, почти невесомой, что казалось — еще миг, и она раскинет тонкие руки, расправит, точно крылья, рукава свитера и поднимется высоко-высоко в небо, навстречу перистым облакам. В то время Анрэ был еще очень робок с девушками, редко заговаривал с ними первым — но в тот раз слова вырвались сами собой:

— Вы не боитесь, что вас унесет ветром?

Незнакомка слегка вздрогнула — вопрос явно вывел ее из мечтательного забытья — и обернулась:

— Что вы сказали?

У нее было милое узкое лицо с чуть заостренным подбородком и удивительной красоты глаза насыщенного медового оттенка, в которых прятались смешинки. Он еще больше смутился, но повторил:

— Вы стоите так близко к проему... Я вдруг испугался, что порыв ветра подхватит вас, и вы улетите.

Она засмеялась и снова посмотрела вниз:

— А что? Было бы неплохо!

И добавила странную фразу:

— «Отчего это люди не летают, как птицы?»

— Я сам тоже часто об этом думаю, — признался Анрэ. Девушка окинула его заинтересованным взглядом и заметила в его руках альбом и карандаши.

— Вы художник?

— Ну, это слишком громко сказано... — поскромничал он. — Вообще-то я студент, изучаю математику в университете. А рисую просто так, для собственного удовольствия.

— А можно посмотреть?

— Конечно! — Он торопливо раскрыл альбом.

В тот период Анрэ Орелли никак не мог похвастаться обилием желающих ознакомиться с его творчеством. Меж тем ему всегда хотелось показать свои работы кому-нибудь понимающему, даже необязательно специалисту, просто человеку, который любит

и ценит искусство. А эта девушка — Анрэ чувствовал это сердцем — была как раз из таких людей.

Интуиция его не подвела. Прекрасная незнакомка долго и с удовольствием разглядывала его зарисовки, отмечая в них именно те моменты, на которые обращал внимание он сам, и отпуская толковые замечания.

— Я вижу, вы очень хорошо разбираетесь в живописи, — не мог не признать он. — Это ваша профессия?

— Нет, только хобби. Я по образованию переводчик, работаю в газете.

— Правда? В какой же?

— В газете Степана Янко.

— Первый раз о такой слышу.

— Ничего удивительного. Это ведь газета для выходцев из России. Я русская, — с непонятной гордостью проговорила она и добавила: — Здесь меня называют Натали, но вообще-то мое имя Наташа или Наталья.

— На-та-лия, — с некоторым трудом повторил он.

— Нет, не совсем так! — поправила она. — Не Наталия, а Наталья, с мягким знаком. Есть в русском языке такая буква...

Взглянула на Анрэ и, поняв его замешательство, рассмеялась:

— Впрочем, можете не ломать язык и называть меня Натали. А как зовут вас?

— Анрэ. Анрэ Орелли. Мой отец был итальянец...

Признание девушки в том, что она русская, и особенно тон, которым были произнесены эти слова, слегка удивили Анрэ. Тогда среди его знакомых не было ни одного представителя этого странного народа. Русские казались ему каким-то непостижимым, алогичным явлением — возможно, благодаря тем противоречиям, которыми они были буквально переполнены. Он знал, что в этой дикой стране люди до сих пор живут в убогих деревянных домиках без

всяких удобств и с печным отоплением, — но знал также и то, что именно эта нация дала миру многих великих поэтов, писателей, актеров и художников, чьи книги не выходят из моды на Западе, а картины служат настоящим украшением музеев, — Анрэ сам неоднократно любовался и восхищался этими полотнами. Русские приняли на себя самый значительный удар фашистских войск и вместе с союзниками сумели одержать победу в страшной войне — но до этого собственными руками устроили в своей стране кровавую и безумную революцию, после которой народ потерял свободу, а к власти приходит один тиран за другим. Все это никак не укладывалось в единую понятную схему, и оттого Анрэ привык относиться к русским, как относятся к человеку не то чтобы душевнобольному, но, как бы это сказать... со странностями. И ему было в диковинку, что его новая знакомая так гордится своей принадлежностью к этой специфической нации.

В тот раз вышло как-то само собой, что молодые люди вместе покинули старинное здание и отправились бродить по городу. Им было о чем поговорить — ведь они равным счетом ничего не знали друг о друге, но оба почувствовали интерес к личности другого и трудно поддающееся объяснению влечение. День пролетел как одно мгновение, а следующим вечером Анрэ уже прохаживался по улице у подъезда невзрачного одноэтажного здания, где располагалась русская газета, нетерпеливо поглядывал на часы и ждал, когда из-за массивной двери выпорхнет наконец легкая фигурка.

Они стали встречаться часто, настолько часто, насколько это позволяли ее работа и его занятия в университете. Взявшись за руки, бродили по городу, осматривали архитектурные памятники, заходили в музеи, в маленькие кафе, обсуждали новости, книги, фильмы. И очень скоро Анрэ понял, что просто без

ума от этой девушки, от ее тихого, нежного голоса, мелодичного смеха, задорной искорки в медовых глазах, непокорных темно-русых волос и ненового просторного свитера, который она носила не снимая. Этот свитер с вышитой на нем буквой F — что она означала, Наташа понятия не имела — был ее главной приметой, своеобразной визитной карточкой. Девушка говорила, что это память об отце. Эжен Алье был французом, мелким чиновником. В начале войны он вступил в ополчение и через несколько месяцев погиб. Натали до сих пор горевала о нем, и Анрэ, сам недавно потерявший обоих родителей, отлично ее понимал.

В своей газете Наташа выполняла обязанности редактора и корректора, а в свободное время писала стихи, рецензии на книги и переводила русских авторов на европейские языки и наоборот. Она свободно владела русским, английским, немецким и французским, у нее была потрясающая память и великолепное чувство слова. Анрэ искренне восхищался ее способностями, но Наташа только смеялась в ответ:

— Ой, ну ты скажешь тоже... Никакая я не способная, самая обычная. Ты просто не знаешь нашего редактора, Степана Янко. Вот кто действительно гений!

Скоро Анрэ познакомился и с ним. Тогда этот человек еще не был широко известен, его имя еще не упоминалось в литературных справочниках и энциклопедиях. Он лишь руководил скромной газетой для эмигрантов, вел в ней раздел культуры, писал о литературе и терпеть не мог, когда его тексты называли статьями.

— Это очерки, а не статьи! — горячился он. — Очерк — это широта, возможность высказаться не только на основную тему, но и на другие... В художественном смысле очерк стоит гораздо выше статьи. Кто этого не понимает, тот ничего не понимает не только в творчестве, но и в жизни!

Янко запомнился Анрэ, врезался в память, но вовсе не литературными очерками, а теми, что были опубликованы под рубрикой «От нашего стола». Ничего лучше по кулинарной теме Орелли не читал ни до того, ни после. Это были скорее даже не очерки, а кулинарные эссе. Как вкусно они были написаны! Анрэ даже как-то выучил наизусть отрывок из эссе «Много раз в году» и до сих пор помнил его: «Потом они ели приготовленное им блюдо прямо со сковороды, вымазывая хлебом острый соус, пили «Шардоне» и целовались, и луком не пахло, и суббота была, как всегда, такая короткая. Нет, короче, чем всегда. И не потому, что сегодня они полдня бродили в музее-усадьбе кого-то из очень бывших. Просто каждая суббота была короче предыдущей. Хотя при расставании часы показывали всегда одно и то же время. Она разглядывала его профиль на подушке, морщины у глаз, мелкие, как от дробинки, шрамики на скулах, водила по ним кончиками пальцев, вдыхала его запах...»

Наташа тогда сказала, что это не кулинарное эссе, это прямо-таки «Темные аллеи» знаменитого русского писателя-эмигранта Бунина, лауреата Нобелевской премии. Это его, бунинский, стиль, преломившийся через стенки хрустального бокала с «Шардоне», стерлядь, фаршированную крабами, и лобстеры с королевскими креветками. Ах, какие слова находил Янко, сколько там было нежности, сколько любви и счастья!

Прошлое дело. Но тогда Анрэ даже ревновал Наташу к этому Степану. Как-то они опубликовали в своем «листочке» (так Анрэ презрительно называл их газету) стихи Янко, по мнению Орелли, очень слабые. Что-то там про любовь, про черные глаза и секс на лестнице в пролете между вторым и первым этажом — в общем, кошмар! Анрэ заподозрил неладное, подумал, что, возможно, так оно и было, как описано в стихотворении. Перед глазами появи-

лась картинка: Янко и Наташа на лестнице, между первым и вторым этажом... К счастью, их редакция размещалась в одноэтажном доме. Но еще долго Анрэ мучился подозрениями, допытывался: было — не было? Наташа отшучивалась, смеялась. Но однажды, когда они поссорились и наговорили друг другу много неприятного, она очень тихо сказала ему: было. Потом, на другой день, когда они простили друг другу все вчерашние обиды, он снова спросил про эти чертовы этажи.

— Я пошутила, дурачок, — улыбнулась Наташа. — Неужели я променяю тебя на него?

И он успокоился.

Впервые в жизни Анрэ по-настоящему влюбился и с удивлением прислушивался к своим новым ощущениям, пытаясь понять, что же это за сила, что так неудержимо влечет его к ней? Почему из тысяч живших в этом городе девушек, многие из которых были красивы и интересны, он все-таки выбрал Наташу? Что в ней нашлось такого? Простота, с какой она умела обходиться с каждым, кто бы он ни был? Непривычное равнодушие к деньгам — иной раз у нее не было ни гроша, а вела она себя так, будто у нее миллионы? Непосредственная, почти детская радость и любопытство, с каким она смотрела на мир? Конечно, и все это тоже притягивало и завораживало его, но, наверное, главным было все-таки то, что он, Анрэ, привыкший к постоянному вниманию дома, изнывал в Берне от одиночества. Порой ему не с кем было поговорить даже о погоде, не то чтобы поделиться мыслями о прочитанной книге или показать новый этюд. А Наташе он был действительно интересен, она готова была часами слушать его рассказы о детстве или обсуждать его рисунки. Она стала ему по-настоящему близким человеком, и это чувство душевного родства было в нем порой даже сильнее, чем физическое влечение... Хотя последнее ну уж ни-

как нельзя было назвать слабым. Он буквально терял голову даже от одной мысли о Натали. Стоило Анрэ, сидя на лекции, хоть на минуту вызвать в памяти образ любимой, представить, например, как ветер с реки играет ее легким платьем, облепляя им точечную фигурку и подчеркивая изящные формы, как он тут же надолго забывал о занятиях...

Однажды — это было примерно через месяц после их знакомства — Анрэ наконец осмелился поцеловать Натали. Как бы неудержимо его ни тянуло к ней, он все никак не решался сделать первый шаг — слишком уж мало походила она на тех девиц, с которыми ему довелось приобрести небогатый сексуальный опыт. В начале их дружбы Наташа казалась ему воплощением чистоты, он относился к ней с таким трепетом, что утром всякий раз сгорал от стыда, когда буйное юношеское воображение являло ему ее образ в отнюдь не целомудренных сновидениях. В тот вечер он наконец набрался мужества и, прощаясь с ней у подъезда, попытался коснуться губами ее губ, но девушка отстранилась.

— Не нужно, Анрэ.

— Что? — растерялся он. — Ты не хочешь? Я тебе не нравлюсь, да?

Она грустно улыбнулась:

— Нет, что ты... Дело совсем не в этом. Ты мне очень нравишься, боюсь, даже больше, чем нравишься... Но я дала себе слово избегать привязанностей.

— Во имя чего?

— Во имя того, чтобы не разбивать ничьего сердца. Ни собственного, ни того, кто меня полюбит.

— Но почему, почему?

— Потому что мы с мамой скоро уезжаем.

— Надолго? И куда?

— Надеюсь, что навсегда. Домой, в Россию.

Анрэ был в полной растерянности.

— И что, из-за того, что ты собираешься уехать, мы не можем... — он оборвал фразу, так как не нашел подходящих слов.

Наташа выразительно посмотрела на него:

— Пойми, Анрэ, так будет лучше для нас обоих. Давай останемся просто друзьями. Ведь это так чудесно — встречаться, ходить в кино, кафе и музеи, обсуждать книги и фильмы, делиться друг с другом тем, что у нас на душе... Если мы станем любовниками, все будет уже совсем не так. Но дело даже не в этом! Мне хочется, чтобы мой отъезд был радостью, а не поводом для страданий.

— Когда ты едешь? — глухо спросил он.

— Точной даты еще не знаю, но скоро. Мы уже собираем документы.

Эта новость стала для него ошеломляющей. Анрэ знал, что мать Наташи, Ольга Петровна, урожденная княжна Горчакова, покинула Россию маленькой девочкой — ее родители бежали от красного террора. Несколько лет семья жила в Алжире, потом переехала в Марсель, где Ольга встретила своего избранника Эжена Алье, вышла за него замуж и родила дочь. А незадолго до войны, когда обстановка в мире становилась день ото дня тревожнее, им помог перебраться в нейтральный Берн двоюродный брат Наташиного отца, имевший какое-то отношение к министерству иностранных дел. Во всю эту историю Анрэ уже был посвящен, не раз уже бывал в их маленькой квартирке на последнем этаже, был представлен и Ольге Петровне, и даже дяде, также носившему фамилию Алье, но звавшемуся немецким именем Дитер. Видел молодой человек и семейные фотоальбомы, где на снимках были запечатлены и живописные пейзажи вокруг усадьбы Горчаковых, и Наташины дед с бабкой на крыльце скромного алжирского домика, и торжество бракосочетания Ольги Петровны, и сама Наташа лет шести от роду, худенькая, со смешно торчащими

косичками, на фоне живописной марсельской гавани. Но вот о том, что девушка и ее мать намереваются ехать в Россию, Анрэ слышал впервые.

— Вы что, с ума сошли? — недоумевал он. — Зачем вам это нужно? Здесь у вас хорошая, спокойная, обеспеченная жизнь. А там... Страшно подумать, что может вас там ожидать! Голод, нищета, разруха... И даже того хуже — концентрационные лагеря ЧК!.. Что, если красные не простят тебе, что ты княгиня?

— Не княгиня, а княжна.

— Все равно. Тебя посадят в тюрьму или сошлют в Сибирь.

Наташа посмотрела на него, как на ребенка, который не понимает самых элементарных вещей:

— Анрэ, дорогой мой... Ты наивен, как все европейцы, у вас почему-то такое странное представление о нашей стране... Нищета, разруха, лагеря, репрессии — все это, слава богу, в прошлом. Теперь в России другая власть, другие порядки. Сталин умер, культ его личности развенчан, все изменилось...

— Что-то не верится!.. — перебил он.

— Не хочешь — не верь, это твое личное дело, — похоже, она обиделась. — А мы с мамой верим. Мы уже занимаемся оформлением документов, еще немного — и нам разрешат вернуться.

Молодой человек пребывал в полном замешательстве.

— Наташа, вот ты говоришь — «вернуться». Но как можно *вернуться* туда, где никогда не был? Твою маму увезли совсем ребенком, сколько ей было лет — шесть, семь? Даже она почти ничего не может помнить, настолько была мала. Но ее еще хоть как-то можно понять. А вот тебя... Тебе-то зачем в Россию?

Девушка покачала головой, веселые огоньки в карих глазах потухли.

— Боюсь, я не сумею тебе этого объяснить...

30 Понять мои чувства может только русский. Уж та-

кими нас создал Господь — мы не можем быть счастливы нигде, кроме родины. Прости, мне пора.

В тот вечер раздосадованный Анрэ допоздна бродил по улицам, продолжая мысленный спор со своей возлюбленной. Ее позиция удивляла и возмущала его. Взрослая девушка — Наталья была двумя годами старше Анрэ, — а повторяет все за матерью, точно дитя! Насмотрелась старых фотографий, всех этих особняков в стиле модерн, беседок на обрывах и авто на деревянных колесах и вбила себе в голову: «Вернуться на родину!» Какая родина!.. И ведь она даже не чисто русская, а полукровка, ее отец француз! Далась же ей эта злосчастная Россия, эти альбомы с древними снимками, эти заумные и скучноватые книги русских писателей, эти печальные песни, называемые странным словом *романс*, этот проклятый мягкий знак в ее имени! Негодование молодого человека не было предела, однако он прекрасно отдавал себе отчет в том, что столь бурная его реакция вызвана лишь одним — отчаянным нежеланием потерять Наташу. Удивительная девушка, так упорно называвшая себя русской, уже слишком много значила для него.

Он неоднократно пытался поговорить с ней, привести какие-то разумные доводы, но Наташа продолжала настаивать на своем. Отъезд в Россию был для нее уже делом решенным, все было продумано и запланировано. Она вообще обожала строить планы, даже по мелочам. Когда он звонил ей, предлагая встретиться, обязательно спрашивала: «А куда мы пойдем?» При этом ответ: «Просто прогуляем по набережной, сегодня отличная погода» — вполне ее устраивал, но все равно прогулка должна была быть запланированной, а не спонтанной. Само собой разумеется, что при такой любви к прогнозам будущая жизнь Натальи казалась расписанной до мелочей.

— Мы поселимся в большом городе, в Москве или в Петрограде, то есть в Ленинграде, — говорила она, — я устроюсь работать в какое-нибудь издательство и буду переводить на русский язык современных французских, немецких, английских авторов. А через несколько лет выйду замуж и обзаведусь детьми.

— И сколько же у тебя будет детей?

— Обязательно двое или даже трое. Но только девочки — я понятия не имею, как воспитывать мальчиков... Пусть будут три девочки. Как у Чехова, знаешь такого писателя? У него есть пьеса «Три сестры»... Главное — найти мужчину, которого не испугает перспектива жить в доме, где столько женщин. Многим это, наверное, покажется ужасным!

— Но почему же? — возражал Анрэ. — У моего деда Верфеля было четыре дочери — моя мать, Марианна, и ее старшие сестры.

— Да, я помню, конечно, ты рассказывал и про маму, и про теток... Но четыре — это все-таки чересчур. С меня хватит трех.

Очень скоро эти полушутливые разговоры сделались неприятны Анрэ. Каждый раз Наталья точно подчеркивала: у нас с тобой нет общего будущего. Для него эти слова равнялись словам «ты для меня ничего не значишь». Он обижался, негодовал, много раз давал себе слово порвать с девушкой, которая просто играет им, временно использует, чтобы после отъезда тотчас забыть, — но никак не мог этого сделать. Он настолько дорожил Наташей, его так сильно влекло к ней, что ради сохранения их отношений он был готов на многое. Даже на обман, к которому в конце концов и прибег.

Максимально задействовав весь свой математический ум, Анрэ проанализировал ситуацию и сумел, как ему показалось, найти выход из положения. Он решил притвориться, что он полностью согласен

с Наташей. Надо сделать вид, что у них легкие и ни к чему не обязывающие отношения, которые можно будет в любой момент прервать без лишних драм. А раз все так легко и просто, то ничто не мешает сойтись поближе. Притворялся он довольно ловко. Волевым усилием загнал глубоко внутрь все свои чувства, не позволяя себе ни словом, ни даже взглядом выдать обуревавшие его страсти. И девушка, как ни странно, довольно быстро приняла предложенные им правила. Анрэ так и не понял, разгадала она его тактику или нет, так и не узнал, любила ли она его. Натали, точно так же, как и он, ни разу ни словечком об этом не обмолвилась и лишь однажды, ласково ероша его волосы, вдруг посмотрела ему в глаза и процитировала какое-то неизвестное Анрэ стихотворение: «Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад». Но у него хватило сообразительности не выпытывать, что именно она имела в виду.

Они продолжали встречаться, общаться легко и весело, так же легко и весело целоваться где-нибудь на мосту через Ааре. И однажды, в небольшой квартире на последнем этаже, когда ее матери не оказалось дома, так же просто и естественно случилось то, что просто не могло не случиться. К удивлению Анрэ, Наташа проявила еще больший пыл и страстность, чем он, — молодой человек хоть как-то пытался сдерживать себя и даже вспомнил об отсутствии контрацептивов, но она успокоила его, заверяя, что у нее сегодня безопасный день, и очертя голову кинулась в его объятия.

Потом они долго лежали рядом, просто лежали, не разговаривали, старались не смотреть друг на друга и друг друга не касаться. Первой заговорила Наташа. Она украдкой взглянула на него и сказала нарочито весело:

— Но это ведь ничего не значит, правда? Мы по-прежнему останемся друзьями?

— Конечно-конечно! — поспешил заверить он. — Дружеский секс — вполне нормальное современное явление. Как-никак мы живем уже во второй половине двадцатого века. Просто в следующие разы мы все-таки обязательно будем пользоваться контрацептивами.

— Да, ты прав, это необходимо, — кивнула она. — Сложности не нужны ни тебе, ни мне. Тем более теперь, когда наши с мамой документы уже почти готовы.

Он поморщился. По крайней мере сейчас уж можно было бы об этом не говорить...

— Хочешь пить? — Она подала ему полный стакан воды.

— Хочу. — Он протянул руку, но стакан как-то выскользнул у них из пальцев и упал на пол, украсив его стеклянными осколками. Вода разлилась по паркету.

— Вот черт! — пробормотал Анрэ, но Наташа только засмеялась:

— Не переживай! У нас, русских, есть такая примета — посуда бьется к счастью.

— Глупости какие!

— И ничего не глупости. В приметах заключена народная мудрость.

Теперь, когда они уже отведали запретного плода, их влекло друг к другу еще сильнее. Влюбленные использовали каждую возможность для встречи, то у нее дома, то в комнатке Анрэ — Франсуа, который тогда еще не был женат, тактично оставлял их наедине, едва Наташа появлялась на пороге.

Даже в постели, в объятиях друг друга, они не позволяли себе говорить о чувствах, ни разу слово «люблю» или какое-нибудь другое нежное словечко не сорвалось с их губ. Но никаких других ограничений их страсть не знала, да и не хотела знать. Наташа оказалась замечательной любовницей, возможный недостаток опыта с лихвой компенсировался чувст-

венностью и удивительным качеством, которое Анрэ никогда больше, ни до, ни после нее, не встречал в женщинах, — жаждой сделать его счастливым. Для нее это было не игрой на зрителя, демонстрацией, которая нередко встречается у продажных женщин и жен, давно охладевших, но стремящихся сохранить семью, а настоящей потребностью, искренним свойством ее натуры. Анрэ не уставал благодарить небеса, подарившие ему столь страстную и чуткую подругу.

Некоторое время они оба были как в угаре, и только спустя где-то пару месяцев Анрэ стал замечать, что с его возлюбленной творится что-то неладное. Наташа сделалась печальной, задумчивой, у нее появилась привычка ни с того ни с сего замолкать и надолго погружаться в себя, иногда даже не слыша и не обращая внимания на то, что происходит вокруг. Расспросы молодого человека длительное время оставались без ответа, но наконец девушка призналась, что беременна. Тот разговор, состоявшийся в их любимом кафе-кондитерской на набережной Ааре, он запомнил на всю жизнь.

Наталья, как обычно, заказала кофе и песочное пирожное, но не притронулась ни к тому, ни к другому. Сидела, задумчиво помешивая ложечкой густой ароматный напиток, который уже давно остыл, и думала о своем. Анрэ не обращался к ней ни с какими вопросами, уже зная, что это все равно бесполезно. Просто сидел и ждал, когда она сама выйдет из оцепенения. На этот раз поводом послужило появление в кафе семейства с двумя шумными ребятишками. Наташа словно очнулась, некоторое время со странным выражением лица наблюдала за детьми, а потом спокойно и просто, точно о какой-то самой обыденной вещи, сказала:

— У меня тоже будет ребенок.

— Что?! — он решил, что ему это послышалось. Но она повторила, по-прежнему не глядя на него:

— Да, это так. Я беременна.

— Но как же это может быть?.. — растерялся Анрэ. — Мы же с тобой всегда предпринимали меры, и все было нормально...

— Не всегда. Помнишь самый первый раз? Я думала, что тот день безопасный, а оказалось...

За столиком у окна повисла неловкая пауза.

— И что же ты будешь делать, Наташа? — с тревогой спросил он.

— Мы с мамой уже все решили. Я оставлю ребенка. Мама говорит, что первый аборт очень вреден, после такого я уже, скорее всего, вообще никогда не смогла бы иметь детей. И потом — разрешение на выезд мы должны получить уже в самое ближайшее время. Так что я повезу свою дочь через границу в животе — контрабандой. А появится на свет она уже в России.

Внутри у Анрэ все клокотало. Они с мамой, видите ли, уже все решили! Мнением отца ребенка никто даже не поинтересовался! Эта проклятая Россия всегда была для Натали дороже, чем он, Анрэ... Он хотел бы сказать многое, очень многое, но взял себя в руки, сдержался и только спросил:

— Дочь? Почему ты решила, что будет именно дочь?

Наташа впервые за долгое время улыбнулась, ее потухшие глаза снова засветились:

— Не знаю. Но я почему-то абсолютно уверена, что родится девочка. Такая пухленькая, розовенькая и непременно с кудряшками. Я бы хотела назвать ее Ольгой, но мама считает, что одинаковые имена в одной семье — дурная примета. Так что сейчас я колеблюсь между Марией и Екатериной... Тебе что больше нравится: Катя или Маша?

— Зачем ты меня об этом спрашиваешь? — не выдержал он.

Она посмотрела на него и мягко накрыла ладонью его руку.

— Ты сердишься... Да, я понимаю. Все это так не-лепо, так не по-людски... Но я, право, не знаю, что де-лать и как все изменить...

— Что же тут непонятного?! — он даже повысил голос, так, что на них обернулись официанты и посе-тители кафе. — Тебе нужно сию же минуту выбросить из головы все эти глупости с отъездом. И начать ду-мать только о ребенке, о его будущем. Конечно, все это так неожиданно, мы еще молоды и не совсем го-товы стать родителями... Но Там лучше нас знают, что и когда должно случиться. И нам остается только принять свою судьбу. Мы с тобой должны пожениться и жить семьей — я, ты и наш ребенок. Мне придется бросить университет и найти работу, но это меня не пугает...

Она глядела на него с такой тоской, что у Анрэ за-щемило сердце.

— Увы, это невозможно...

— Но почему?

— Я же тебе сказала: мы совсем скоро уезжаем. О какой женитьбе и семье может идти речь, если я буду там, а ты — здесь?

— Наташа, ты должна остаться.

— Это исключено.

— Мы должны быть вместе!

— Мы не можем быть вместе, Анрэ, это было ясно изначально.

— Я не вижу причины, по которой ты не можешь остаться в Швейцарии.

Она помолчала, залпом допила кофе, очевидно, совершенно не почувствовав вкуса.

— Кажется, я придумала, как это тебе объяснить... Представь на минуту, что я позвала бы тебя с собой. Ну да, не делай круглых глаз. Что бы ты сказал?

Анрэ не ожидал такого поворота событий и в пер-вую минуту действительно не нашелся что ответить. Такая абсурдная мысль никогда не приходила ему

в голову. Он, Анрэ Орелли, родившийся и выросший в Лугано, студент Бернского университета, — и вдруг уехать в варварскую Россию. Бред.

— Вот то-то и оно, — покачала головой Наташа, словно прочла его мысли. — Для тебя это невысказано. А для меня, пойми, точно так же невысказано не отправиться на родину, раз есть такая возможность. И хватит об этом. Лучше позови официанта, нам пора идти.

Если бы Наташа и Ольга Петровна тогда уехали сразу, как намеревались, все могло бы еще как-нибудь обойтись. Да, конечно, он какое-то время еще страдал бы, но потом встретил другую женщину, влюбился бы с новой силой... И образ Натали потихоньку стерся бы из памяти. Но вышло по-другому: отъезд откладывался, русские власти требовали все новые и новые документы, выясняли, кто из родственников Наташи и ее матери остался жив, где похоронены умершие, чем и те, и другие занимались и занимаются. Особенное внимание уделялось военным годам, от Ольги Петровны требовали чуть не по дням расписать свое пребывание в Швейцарии во время войны с фашистами.

— Но ведь это просто абсурд какой-то! — возмущался Анрэ. — Как можно жить в стране, которая позволяет себе доходить до такого идиотизма?

— Да не волнуйтесь вы так, мой друг, ничего особенного в этом нет, обычные бюрократические проволочки, — спокойно отвечала мадам Алье, урожденная Горчакова. — К сожалению, наше Отечество всегда славилось подобными вещами... Очевидно, при большевиках только усилилось то, что было при государе императоре Николае Александровиче. А до него — при его батюшке и при других венценосных предках.

Наташа в этих разговорах почти не участвовала. Она тяжело переносила беременность, ей постоянно нездоровилось. И ранее не отличавшаяся полнотой,

молодая женщина заметно похудела, ее узкое лицо еще больше заострилось, побледнело и осунулось. Анрэ глядел на нее, и сердце разрывалось от любви и жалости к ней, он мучился чувством вины от того, что не знает, как и чем помочь ей, облегчить ее страдания, физические и моральные. Наташе вскоре пришлось уволиться с работы, и она целыми днями лежала на старом диване, а он сидел рядом, вытирал с ее бледного лба крупные капли пота, осторожно сжимал в руке ее тонкие пальцы и постоянно спрашивал:

— Тебе что-нибудь нужно? Может, еще чаю?

Она отрицательно мотала головой:

— Нет, много чаю нельзя, я и так сильно отекала...

— Но ты чего-нибудь хочешь?

— Только одного, — тихим голосом отвечала она. —

Поскорее бы пришло разрешение на выезд. А то я просто не представляю, как поеду в таком состоянии...

Но разрешение все не приходило, и кончилось дело тем, что везти ребенка «контрабандой» не пришлось. В тот день Анрэ, как всегда, выйдя с лекций, сразу же поспешил к телефону, чтобы позвонить Наташе, но никто ему не ответил. Он отправился на знакомую улицу и на лестнице столкнулся с Ольгой Петровной. Глаза женщины были опухшими и красными от слез, но лицо освещалось счастливой улыбкой.

— Андрюша, такая радость... У Наташеньки преждевременно начались роды, но все завершилось благополучно, врач сказал, что можно не опасаться ни за ее здоровье, ни за здоровье малютки. Слава Господу и Пресвятой Богородице, теперь у меня две девочки...

Новорожденную назвали Татьяной и окрестили в русской церкви. Анрэ это имя не нравилось, казалось каким-то грубоватым, но женщины в два голоса принялись доказывать, что никаких иных вариантов и быть не может, раз девочка родилась 25 января,

в студенческий день. Он даже не пытался взять в толк, какая связь между именем и студентами, важно было другое — в сердце поселилась надежда, что теперь, когда у нее крошечный ребенок, Наташа вынуждена будет отложить отъезд. Или ее не впустят в Россию, снова начнут бесконечно проверять, от кого у нее дочь да что за тип этот Анрэ Орелли... Так или иначе ему это было только на руку.

Маленький человек, воцарившийся в квартирке на последнем этаже, вызывал в Анрэ смешанные чувства. С одной стороны, крохотный орущий комочек выглядел так умильно и будил в его душе такую нежность, которую он и сам бы не мог в себе представить... Но в то же время будто бы кто-то очень жестокий постоянно проникал в его сознание и повторял: «Не смей привязываться, не вздумай полюбить этого ребенка! Вдруг Наташа все-таки уедет — и что будет с тобой? Представь хоть на минуту, как ты будешь страдать от мысли, что больше никогда не увидишь свою дочь! Тебе мало в жизни трагедий, ты недостаточно переживал?»

И Анрэ сдерживал себя, старался пореже подходить к «Танюшке», как называли ее женщины, никогда не брал ее на руки и всегда норовил выйти из комнаты, когда Наташа собиралась перепеленать или покормить дочку. Его подруга, в которой проснулась любящая и заботливая мать, не понимала его и очень обижалась. Однажды Анрэ случайно, сам того не желая, подслушал их разговор с Ольгой Петровной — Наташа жаловалась на его холодность и невнимание к девочке; в ответ на что мать уверяла ее, что она слишком многого хочет от мужчины, да еще такого молодого. Анрэ Орелли в то время было только двадцать два года. Впрочем, эти мудрые увещевания не помогли, Наташа продолжала отдаляться от Анрэ, переключив все внимание на ребенка, а он

в свою очередь находил в ее поведении оправдание себе и подтверждение своим опасениям. Он стал все реже бывать у Алье, ссылаясь на занятия в университете.

Так продолжалось два месяца и одиннадцать дней – ровно столько прожила на свете крошечная Танюшка. Начало весны в том году выдалось удивительно холодным, девочка заболела, как утверждала потом Наташа – заразилась вирусным гриппом от любопытной соседки, которая беспардонно сунулась в коляску «поглядеть на прелестную крошку». Была в том вина соседки или нет, установить невозможно, да и не имело смысла; так или иначе у Танюшки к вечеру резко поднялась температура, начался сильный, изнуряющий кашель. Первое время все думали, что это обычная простуда, и тем страшнее оказался диагноз, прозвучавший как приговор, – двусторонняя пневмония. Врачи оказались бессильны, болезнь развивалась и в считанные дни сгубила несчастного ребенка. Анрэ, примчавшийся к Алье, как только услышал страшную новость, в первый миг не узнал Наташу. За одну ночь в ее чудесных темно-русых волосах появились серебряные нити, молодая женщина словно постарела на двадцать лет и сделалась так похожа на мать, что в полутьме прихожей он сначала принял ее за Ольгу Петровну.

Ссору, что произошла между ними в то утро, Анрэ запомнил на всю жизнь. Он примчался на зов Натали так быстро, что опередил карету «Скорой помощи», и с ужасом глядел на крошечное мертвое тельце в кровати, среди заботливо вышитых руками двух княжон Горчаковых белоснежных пеленок. Рыдания вырвались из груди, и, всхлипнув, Анрэ упал в кресло. Все происходящее казалось ему кошмарным сном. Он пришел в себя лишь некоторое время спустя и с удивлением увидел, что Наташа не плачет, не бьется

в истерике на соседнем диване, не пьет успокоительное. Его возлюбленная стояла у гладильной доски и методично водила утюгом по белоснежной льняной простыне.

— Что ты делаешь? — поразился он. — Неужели этим надо заниматься *сейчас*?

— Нужно повесить большое зеркало, — бесстрастным тоном отвечала Натали. — А простыня помялась, пока лежала в шкафу. Я ее глажу.

— Но зачем это, зачем?

— Таков обычай. Когда кто-то умирает, надо вымыть полы и занавесить зеркала. — Она переступила с ноги на ногу по еще влажному паркету и вернулась к своему занятию. Вид свежeweымытого пола почему-то напомнил Анрэ их первую близость, разбитый стакан, лужу воды на паркете... Да уж, сбылась примета, настало счастье, ничего не скажешь! Вот тебе и народная мудрость!

— Как ты можешь? — он сорвался на крик. — Как ты можешь оставаться такой спокойной, когда у нас только что умерла дочь? И эти ваши идиотские приметы и обычаи!.. Вечно вы, русские, придумываете что-то вечно живете в вымышленном мире, вместо того чтобы видеть и понимать то, что происходит вокруг. Танюшка мертва — а у тебя в голове не смерть ребенка, а полы, зеркала и простыни!

На его крик примчалась из соседней комнаты встревоженная Ольга Петровна, но Анрэ это не остановило.

— Ты всегда была такой, — продолжал он. — Бесчувственной, бессердечной, жестокой. Теперь я понимаю, откуда взялись ваши большевики! У вас у всех просто нет сердца! Эта твоя проклятая Россия всегда была тебе дороже всего! Дороже ребенка! Дороже меня! Конечно, мы патриоты, мы «любим Родину»! Разве мы можем при этом еще полюбить какого-то занюханного швейцарца! Прощай!

Он сорвался с места и двинулся к выходу. Ольга Петровна кинулась было к нему, видно, хотела удерживать, как-то успокоить, но Наташа остановила ее:

— Не надо, мама. Пусть идет. Пусть уходит навсегда. Я не хочу его больше видеть.

Но они все-таки увиделись, месяца два или три спустя. Анрэ, с тех пор с головой погружившийся в учебу, как обычно, допоздна занимался в своей комнате. Около десяти часов вечера в дверь постучали.

— Кого там несет? — недовольно крикнул он. Жерве уехал на каникулы домой, и гостей Анрэ не ждал. — Открыто.

На пороге стояла Наташа. Та самая Наташа, которая не хотела никогда больше его видеть.

— Впустишь? — тихо спросила она и, не дождав-шись ответа, прошла в комнату. Анрэ молча стоял и смотрел на нее. Натали была почти совсем прежней. Та же хрупкая фигурка, тот же сиреневый свитер с загадочной буквой F, те же непокорные пряди темно-русых волос. Вот только смешинка в медового цвета глазах пропала.

— Вот, зашла проститься перед дорогой, — проговорила она, пряча взгляд. — Поезд завтра утром, в девять двадцать шесть. Ты не хочешь меня видеть, да? Мне уйти?

— Ну, вообще-то... — только и сумел сказать Анрэ.

А потом была их ночь. Их последняя ночь.

Оба не сомкнули глаз ни на минуту. Они любили друг друга жадно, неистово, отчаянно, и блаженство обладания смешивалось с горечью непоправимой утраты. Оба понимали, что больше не увидятся никогда, и оттого, упав в изнеможении на подушки, тут же начинали разговор и все никак не могли наговориться. Говорили обо всем: об умершей девочке, о стольких счастливых днях, проведенных вместе в Берне, о далекой России, о тех, кто, на их несчастье, придумал государственные границы. Не говорили они только

об одном — о своей любви. Эта тема по-прежнему оставалась табу для обоих, и ни разу слова признания не слетели с их губ — даже в ту, последнюю ночь.

Утром он поехал провожать ее на вокзал, помог Ольге Петровне справиться с немногочисленными чемоданами. Подача поезда задерживалась. Они стояли на перроне, не глядя друг на друга, и впервые не знали, о чем говорить. Ольга Петровна деликатно отошла в сторону и смотрела на плоскую крышу старого здания вокзала, на вокзальную площадь, на вязы, растущие по ее бокам, на яркие трамваи, весело бегущие по узким улочкам. Затянувшееся молчание угнетало.

Наконец подали состав, пассажиров пригласили занимать места. Ольга Петровна трижды поцеловала Анрэ, перекрестила, пробормотала что-то вроде: «Прости нас за все, Андрюша, храни тебя Господь!» — и торопливо шагнула в вагон. Наталья двинулась было следом за матерью, но вдруг обернулась, кинулась в объятия Анрэ и разрыдалась. Впервые за все время их знакомства он увидел ее плачущей. У него у самого к горлу подкатил ком, сердце словно сдавило в железных тисках. Не в силах вымолвить ни слова, он лишь все крепче и крепче прижимал ее к себе. До тех пор, пока седоусый начальник состава буквально не оторвал их друг от друга и не помог беспамятной от горя Наташе забраться на подножку уже тронувшегося поезда.

Больше Анрэ никогда ее не видел. Первое время он еще получал редкие и краткие весточки от Ольги Петровны — в основном полусмятые открытки с видами Кремля или города Ленинграда, где они с Наташей поселились. Написанные аккуратным, четким, почти каллиграфическим почерком строки нейтрально сообщали, что у них «все благополучно», «устроились на новом месте хорошо», «Наташа нашла хорошую работу». Анрэ на открытки не отвечал.

Самый первый раз попробовал было это сделать, но никак не мог решить, о чем писать, не сумел найти подходящих слов, извел целую стопку бумаги на черновики и в конечном счете разорвал их. Потом открытки прекратились, видно, что-то случилось – скорее всего, умерла Ольга Петровна. Связь оборвалась, и о дальнейшей судьбе Натали он больше ничего не знал.

Со временем боль начала стихать, и вскоре Анрэ почти убедил себя, что и русскую девушку Наташу, и все бурные чувства, что были связаны с нею, он просто придумал. Был молодым, глупым, восторженным, начитался сентиментальной литературы... Однако стоило ему вспомнить, что у него был ребенок, как тоска возвращалась вновь. Иногда ему снилась дочка – не Танюшка, крохотная и так рано умершая, а подросшая девочка то трех, то пяти лет и даже двенадцати, хорошенькая, черноглазая, очень похожая на него, и во сне Анрэ твердо знал, что это его дочь, она жива и с ней, слава тебе господи, все в порядке.

Иногда он доставал из стола фотографию и долго рассматривал ее. На снимке, сделанном дядей Дитером всего за несколько дней до болезни Танюшки, они были изображены втроем – Анрэ, у которого почему-то был очень глупый вид, и похудевшая осунувшаяся Наташа с дочкой на руках.

А всепобеждающая жизнь шла своим чередом.

Получив новенький, пахнущий типографской краской диплом в кожаном переплете, Анрэ возвратился из Берна в Лугано.

К его удивлению, дома ровным счетом ничего не изменилось, разве что лучший друг, рыжий Макс Цолингер, унаследовал от отца юридическую практику и заметно растолстел, скончался булочник Карл, да дочь соседа Факетти, которую Анрэ, уезжая, запомнил девчонкой, голенастой пигалицей, вдруг стала взрослой девушкой и настоящей красавицей.

А так все было по-прежнему: те же пароходики на озере, те же разговоры в кафе на площади, те же добрые улыбки на лицах теток и тот же запах кофе и свежей выпечки по утрам.

Анрэ неловко было признаваться в этом самому себе, но он понятия не имел, чем займется в родном городе. «Отдохну недельку-другую, а там видно будет, — решил он. — Самое главное — я дома. Здесь, вдали от Берна, где каждая улица в центре города, каждое кафе, каждый камень на набережной Ааре напоминали мне о Натали, я сумею забыть все свои печали».

Увы, на деле все вышло совсем иначе. В первую же ночь, когда Анрэ, еле дыша после обильного праздничного ужина в честь его приезда, отправился к себе в комнату и улегся на приготовленную заботливыми руками теток мягчайшую и пахнущую свежестью постель, уснуть он не сумел. Тяжким гнетом навалились воспоминания, Анрэ словно заново пережил все самые трагичные минуты своей жизни, и горечь утраты при мыслях о матери и отце слилась с болью от смерти дочки и отъезда Наташи. В ту ночь он почти не спал и поднялся в прескверном расположении духа. Но и утром дурное настроение не покинуло Анрэ. На душе становилось все тоскливее, ни прогулки по городу, ни встречи со старыми знакомыми, ни пребывание в родном доме не грели душу. Бедные тетки, с такой радостью встретившие своего любимца, не знали, что и подумать.

Так продолжалось несколько дней, до тех пор, пока однажды вечером не раздался звонок в дверь. Пришел Зигмунд Фляйшман, старинный приятель Анрэ, невысокий, голубоглазый, с белоснежными зубами, густой черной шевелюрой и такой же бородкой. Эта самая бородка в юности была предметом зависти для всех других мальчишек — в четырнадцать лет ни у кого, кроме Зигмунда, еще не появилось на

лице никакой растительности. Анрэ с радостью отметил, что друг детства совсем не изменился, даже одет был в прежнем своем стиле: в темный полосатый шерстяной костюм с ярким, полосатым галстуком.

Прятели распили бутылку вина, вспоминая, как вместе росли, тайком учились курить, ухаживали за девушками. Но вскоре Анрэ понял, что Фляйшман заглянул к нему не без умысла. Так и оказалось — Зигмунд поделился с другом идеей, которая уже некоторое время не давала ему покоя. Речь шла об открытии банка, который финансировал бы небольшие компании, мелких дилеров, продающих сигареты в Италии и Швейцарии, занимающихся контрабандой продуктов питания; их развелось множество, и все требовали себе места под солнцем — один поедал другого, а потом сам становился чьей-то добычей. Фляйшман собирался поговорить со своим отцом, советником бюро по страхованию рабочих от несчастных случаев: он думал, что отец, как специалист, знающий эту среду и контингент будущих клиентов, не откажет — ведь дело это выгодное, тем более что за него берутся такие корифеи, как Зигмунд (у него было юридическое образование и некоторый опыт адвокатской работы) и выдающийся математик Анрэ!

Сначала у Орелли еще оставались какие-то сомнения, но вскоре вино, юная горячность и радужные перспективы, обрисованные другом детства, сделали свое дело. Анрэ сидел разгоряченный, с красным лицом, размахивал руками, доказывая преимущества мелких банков, словно именно ему и пришла первому в голову эта идея. Зигмунд со всем соглашался и лишь, когда Анрэ утихал, подбрасывал свои доводы.

— Ты что, не согласен со мной? — спрашивал Анрэ.

— Конечно, согласен, дружище! Но сейчас я говорю о другом. Дело не в том, чтобы открыть банк,

а в том, чтобы он работал, как часы, и приносил прибыль, — отвечал приятель.

— Ну а я о чем? И я о том же. Привлечем Карла Шпиттелера — он хорошо разбирается в финансах, можно пригласить Лису — Макса Цолингера...

— Нет, нельзя сразу так раздувать штаты. Начинать надо вдвоем, а потом будет видно, — возражал Зигмунд.

— Точно говоришь. Молодец! Годок протянем на пару, а там посмотрим, — соглашался Анрэ.

— Значит, для начала нужно будет составить подробную смету, поработать над финансовым планом и помозговать, кто из нас чем будет заниматься. Лучше всего сразу разделить между собой сферы, чтобы не было осложнений в дальнейшем...

— Главное — доверять друг другу. По-моему, это золотая идея — заняться мелкими посредниками. Я кое-кого знаю, кому все время нужны деньги... Такие пойдут на любой процент, лишь бы достать их немедленно. У меня есть один знакомый — Ганс Келлер, могучий мужик! Он прокручивает миллион мелких сделок, и деньги ему нужны постоянно. И знаешь где он их берет? У живоглота Цюбельбюллера, под неслыханные проценты! Так он, понятное дело, лучше пойдет к нам, чем к этому новоявленному Гобсеку! — горячился Анрэ.

— Кто ж не знает прохвоста Цюбельбюллера! Да его пол-Лугано ненавидит. Имея такой гешефт¹, ходит в старом сюртуке и, вы подумайте, носит старую, засаленную шляпу! Разве может порядочный человек ходить в такой шляпе? Его дети не знают, что такое подарки. Им неизвестно такое слово...

— Постой-постой, а что, если и нас начнут ненавидеть, как этого Цюбельбюллера? — Анрэ как бы загля-

¹ Г е ш е ф т (нем. Geschdft) — прибыль, навар, выгода от успешной (часто не совсем чистой) сделки.